

© 2025 г.

Д.В. ТРУБИЦЫН

РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

ТРУБИЦЫН Дмитрий Викторович – доктор философских наук, профессор Забайкальского государственного университета, Чита, Россия (dvtrubitsyn@yandex.ru).

Аннотация. Анализ работ отечественных социологов по проблеме российской идентичности выявил концептуальные основы и тенденции в динамике построения исследований. Это преобладание холистического подхода к научному анализу и вертикальной (сверху вниз) стратегии ее формирования. Проблемам личности в процессе самоидентификации к макрогруппе (стране, государству) посвящено незначительное и убывающее количество работ. Обнаружены противоречия между утверждениями о положительной динамике общероссийской идентичности и данными о росте тревожности, недоверия, несоответствия поведения заявленным ценностям. Их анализ в аспекте проблемы социальной устойчивости позволил сделать выводы относительно перспектив данного типа идентичности для сохранения целостности страны. Консолидация и укрепление единства таким способом могут быть достигнуты только в краткосрочной перспективе, в отдаленной это репродуцирует неустойчивый тип, предполагающий внешнее и формальное признание государства «своим». Принуждение и подавление субъективного начала делают данную стратегию бесперспективной в современном мире, формируют взрывную «контридентичность», готовую отменить себя. Проблемна и содержательная привязка национальной идентичности к государству, создающая опасность распада в случае политического кризиса.

Ключевые слова: идентичность • самоидентификация • солидарность • консолидация • социальная устойчивость.

DOI: 10.31857/50132162525010093

Постановка проблемы и методологические пояснения. Представление субъектов о самих себе является важным фактором долговременной динамики социальных систем, а тема идентичности актуальна для многонациональной страны, пережившей в последнее столетие не один социальный катаклизм исторического масштаба. Нас интересует ее российский социологический кластер в аспекте соотношения локальной (территориальной, религиозной, этнической) и общенациональной идентичностей и состояние последней в целом. По мнению большинства социологов, общероссийская идентичность в последние два десятилетия показывала положительную динамику. Однако параллельно

шли процессы, вызывающие серьезную озабоченность. Вырисовывался сценарий роста национального самосознания через демаркацию с внешним миром с одновременным нарастанием противоречий внутри общества. Происходящее настойчиво говорило о «повторении истории», что актуализировало проблему циклов российской динамики, ее «возвратных механизмов» (О.Э. Бессонова, С.Г. Кирдина-Чэндлер, В.В. Лапкин, В.И. Пантин, Н.С. Розов и др.). Это слабо затронуло социологические исследования идентичности: анализ исторической динамики здесь свелся к констатации перехода от «дезинтеграции» 1990-х гг. к «консолидации» 2000-х [Гражданская, этническая..., 2013; Дробижева, 2021] без попыток установления повторения причинно-следственных связей. Лишь единицы пытались связать проблематику идентичности с особенностями российской истории, но либо за пределами социологии (А.Л. Янов), либо на основе концептов «контрмодернизации» и «возвратного тоталитаризма» (Л.Д. Гудков), что стремящимися к «деидеологизации» социологами воспринималось неохотно. Цель данной работы состоит в разработке общего взгляда на динамику российской идентичности в постсоветский период. Задачи: 1) выявление тенденций и противоречий в исследованиях проблемы общенациональной идентичности в отечественной социологии в связи с происходящими процессами; 2) их анализ и обобщение ввиду выдвигаемой социологами задачи сохранения целостности страны.

В качестве непосредственного объекта выступили работы российских социологов по данной и связанным с ней проблемам – межнациональных отношений, доверия и уважения, солидарности и патриотизма, образа будущего, отношения к власти.

Выход за пределы дискурса идентичности требует обоснований.

1. Необходима корреляция данных между различными, но соприкасающимися проблемными полями, каковыми являются, например, идентичность и регионоведение, идентичность и ценности. Экспертиза исследований идентичности не может базироваться только на них самих – любая научная школа в таких условиях приобретет черты эзотерической, недоступной критике извне и удаляющейся от истины. Рост специализации социологии приветствуется, но требует компенсации синтезом.

2. Если настаивать на рассмотрении проблемы исключительно узко, бессмысленно говорить об обществе как системе, а исследования идентичности, доверия, уважения и прочего превратятся в изолированные ниши, не связанные с задачами социологии. Даже при понимании сложности общества исследования его проблем в совокупности должны давать более или менее непротиворечивую картину.

3. Помещение проблемы в широкий контекст требует обозначенный предмет. Такое исследование должно быть не только классически социологическим (сбор фактов и их непосредственная интерпретация), но и номотетическим, предполагающим наличие закономерностей. А поскольку в задачи исследования входит оценка теоретико-методологических оснований, не миновать и метатеоретический (философский) уровень их анализа. Однако рассмотрение результатов исследований идентичности в широком контексте чревато негативными последствиями – расширение предмета всегда ведет к потере точности и строгости теоретических построений. В такой работе придется сопоставлять данные, полученные при помощи разных методик, которые узкому специалисту могут казаться несовместимыми, а их обобщения – слишком смелыми. Однако это неизбежная проблема любого синтеза, и можно лишь минимизировать потери опорой на социологические же данные.

Тенденции и концептуальные основы исследований идентичности. Первый вывод из анализа литературы – преобладание установки на сохранение и упрочение целого [Гражданская, этническая..., 2013: 27]. Количество работ, апеллирующих к потребностям субъектов идентичности (личности, этнических, региональных, конфессиональных групп), было небольшим изначально и снижалось. Количество работ, актуализировавших целостность макроструктуры (страна, государство), росло. Социология идентичности, призванная рассматривать данный феномен нейтрально, превращалась в социологию

консолидации. Консолидация и поиск «интегрирующей» идентичности как цель не подвергались сомнению [Арутюнян, Дробижева, 2014: 109; Дробижева, 2017: 27; 2020: 38, 47; Левашов, 2018: 167], ими определялись задачи исследований. Вместе с мобилизацией это наиболее часто используемые концепты, и даже мягкие варианты – *солидарность, согласие* – служили «консолидации» [Дробижева, 2015; Дронов, 2016; Межнациональное согласие, 2016: 7, 46, 188]. Хотя ученые писали о гуманизации межэтнических отношений и сохранении этнокультурного многообразия как о целях национальной политики и своих исследований, поиск баланса между социальным целым и интересами субъекта ставил во главу угла целое [Дробижева, 2017: 26, 29; 2020: 38, 47].

Несколько отличались исследования религиозной идентичности. Ученые связывали ее с «экзистенциальной потребностью в определении мира и себя с целью обретения смысла жизни и субъективной целостности». Однако социоцентрический холизм проявился и здесь: «только в обращении к религии общество может найти силу для духовного возрождения страны» [Рыжова, 2016: 119].

В идейном плане у истоков этой тенденции стоят соответствующие концепции, в частности идея «нации-государства» [Тишков, 1996], утверждающая существование российской политической нации, но не отрицающая наличие других народов страны. Как показывают цитирования, с конца 90-х гг. она остается концептуальной основой изучения российской идентичности.

В арсенале исследования идентичности есть разные подходы, среди которых эгоцентрический – один из возможных. Реализация большинством ученых социоцентрического подхода объяснима предметом социологии: даже изучая субъекта, личность, эта наука изучает их как *социальных* акторов. Здесь речь о другом: о цели и ценности самого существования исследуемого объекта. Мы квалифицируем это как *гносеологический холизм*, лишение субъекта собственной экзистенции, когда априорно закладываемая учеными цель его существования определяется не им самим, а общим, целым.

Так же выстраивалась социология регионов. В исследовании этнического аспекта их депопуляции отрицательным виделось «снижение геополитического статуса государства» [Рыбаковский, 2015: 18], не уход с исторической сцены уникальных культур. А депопуляция, например, ДФО опасна тем, что это регионы, ответственные за охрану границ [Симонян, 2023: 137]. В какие бы гуманистические формулировки ни облекалась актуальность «приграничного регионоведения», рассматривается регион как то, что служит целому: согласно «функциональному подходу», регионы должны «защищать безопасность государства и обеспечивать взаимодействие с соседними государствами» [Симонян, 2019: 64, 69]. В поле нашего внимания попал и Крайний Север, который репрезентируется как «арктический нефтегазовый регион» [Белоножко и др., 2018: 117], – функция поставщика ресурса вплетена в его внешнюю идентификацию уже при актуализации исследования. Объекту исследования на теоретико-методологическом уровне предписано «служение», лишаящее его онтологической субъектности.

Целое, однако, может структурироваться по-разному. И проблема не только в холизме, но и в способе его организации. Анализ выявил второе обстоятельство – *вертикальное структурирование* целостности и вертикальную концепцию ее изучения. К «укреплению целостности» прилагается наиболее ожидаемый подход – синтез конструктивизма и инструментализма, подтверждаемый и прямыми заявлениями [Гражданская, этническая..., 2013: 27], и количеством ссылок на труды Б. Андерсона, Ф. Барта, Р. Брубейкера. Субъектом конструирования почти безоговорочно объявлено государство – в большинстве работ типология российской идентичности как «государственно-гражданской» является и констатацией факта, и положительной его оценкой. Об этом же говорят документы, и главный из них – Стратегия государственной национальной политики. То обстоятельство, что первой среди целей в ней обозначено «упрочение общероссийского

гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа»¹, было главным для ученых, с ним связывалась научная актуальность проблемы, подтверждаемая объемом грантовой поддержки [Дробижина, 2017: 26]. И хотя социологи писали, что рост общероссийской идентичности – заслуга не только власти, что это – идущий «снизу» процесс [Андреев, 2014: 150; Дробижина, 2020: 48], активность государства в этом направлении они приветствовали [Дробижина, 2020: 48; 2021: 55].

Вопрос, формировалась ли российская идентичность преимущественно государством, или в большей степени это был восходящий процесс, проблематичен. Социология пока не располагает средствами выявления реального соотношения этих факторов, поэтому остается довольствоваться оценочными суждениями. Мы лишь констатируем активные усилия государства, о чем, помимо Стратегии, говорит масса программ и мероприятий². В постановлении правительства от 29 декабря 2016 г. значилась «угрожающая государственной целостности гиперболизация региональных интересов»³, что стало логическим итогом данной тенденции.

Сказанное касается и содержания формируемой государством идентичности. Сколько бы специалисты ни заверяли, что общероссийская идентичность «не ориентирована на замену этнической, региональной идентичности», что она «не над ними, не после них, а вместе с ними» [Гражданская, этническая..., 2013: 74], ее структурой оставалась иерархия. Эти заверения играли ту же роль, что и вторая часть фразы В.В. Путина: «Правильная формула такова: сначала россиянин, а потом уже представитель этноса, без всякого *при*нижения значения культурной самобытности» (цит. по: [Арутюнян, Дробижина, 2014: 110]). По словам В.А. Тишкова, самое важное – чтобы большинство граждан на вопрос «Кто мы?» отвечало: «Прежде всего я россиянин» (цит. по: [Дробижина, 2015: 89]), а в задачах нациестроительства речь шла о «снижении градуса» значимости этничности [Дробижина, 2015: 89]. Ключевые слова здесь – *сначала и потом, прежде всего, снижение градуса*, указывающие на субординацию. «Если базовая основа идентификации сформирована, то новые идентификации ее дополняют; если ее нет, они формируются как система аморфных определений» [Андреев, 2014: 146]. Очевидна предубежденность: возможна только иерархически структурированная целостность, альтернатива ей – хаос. При этом говорится об «актуальной проблеме гармонизации и совмещения различных идентичностей с общегражданской», но упомянутая «базовая основа» и ее «дополнение» автоматически превращают гармонию в субординацию.

Третье обстоятельство – *оптимизм*. Вне зависимости от методик общая черта отечественных исследований российской идентичности в обозначенный период – констатация роста [Дробижина, 2017: 27; Тишков, 2013; 2021]. К 2018 г. доля россиян с российской идентичностью достигла 84% (с 65% в 2005 г.), а в ноябре 2019 г. составила 91% [Дробижина, 2020: 43–44]. Озвучивая «государственно-гражданскую идентичность» как свершившуюся реальность, ученые трактовали ее как совмещение «лояльности государству и чувства общности с гражданами, ответственности за свою судьбу и жизнь окружающих». Писали «о *восстановлении* российской идентичности», доказывая, что она

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 25.09.2024).

² Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России». URL: <https://docs.cntd.ru/document/499040473>; «Моя Россия – единство народов». URL: <https://песчурскийцентр-анр.рф/russian-federation/project/moya-rossiya-edinstvo-narodov-organizaciya-deyatelnosti-seti-resursnyh>; «Мы – граждане России». URL: <https://ogoa.ru/projects/project/1960/>; «Нити идентичности». URL: <https://ogoa.ru/projects/project/1961/>; «Народов много – Родина одна». URL: <https://ogoa.ru/projects/project/54/> (дата обращения: 20.09.24).

³ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики». URL: <https://docs.cntd.ru/document/420388022#520IM> (дата обращения: 20.09.24).

стала преобладающей, *потеснив остальные*, а по силе связи со страной россияне близки с гражданами западных стран [Гражданская, этническая..., 2013: 41].

Разумеется, упоминали проблемы: «не только позитивные, но и негативные основания», идеологическое давление и др. [там же: 44; Дробижина, 2020: 44]. Выглядело это как отдельные недостатки, в целом оценка пройденному пути давалась положительная. «Начало XXI в. стало временем активного нациестроительства, проявившегося в ряде властных инициатив и повлекшего за собой реальные изменения в массовом сознании россиян» [Арутюнян, Дробижина, 2014: 109]. Ученые демонстрировали и приветствовали сдвиг «в сторону государственничества, патриотизма и почвенничества, укрепление традиционных ценностей» [Левашов, 2018: 169]. На этом основании делались исторические обобщения. «На фоне США и Европы Россия представляет собой сравнительно успешный пример построения мультикультурной цивилизации», а двукратное в XX в. крушение государства по национальным границам трактовалось как положительный опыт: «Сегодня власти располагают богатым опытом трансформаций прошедшего столетия, перед ними открывается счастливая возможность придать России направление, основывающееся на ее цивилизационных архетипах» [Дронов, 2016: 159–160].

Таким образом, холизм, иерархия и этатистский конструктивизм обнаруживаются и в средствах формирования российской идентичности, и в ее структуре. Характерно это и для социальной действительности, и для ее научной рефлексии. При этом следование курсу осуществлялось, невзирая на критику указанной Стратегии, которая, по сравнению с Концепцией 1996 г., обозначила поворот «от понимания нации как этнокультурного феномена к нации как исключительно нации-государству» [Попков, 2015]. Целью политики стали не этносы и нация как таковые, а государство. И хотя акцент в документе делался на сохранении и развитии многообразия при консолидации народов в составе российской нации, реальный механизм выполнения этой задачи не прописывался. Однако критика эта не породила заметной теоретической рефлексии, что на фоне позитивных оценок «нациестроительства» вызывает вопросы.

Феноменология противоречий. Обратимся к фактам, указывающим на проблемы избранного пути формирования и изучения российской идентичности. Источниками здесь стали отчасти те же работы, отчасти – смежные проблемные области. Это важно: избранная стратегия формирования национальной идентичности и сопровождающая ее концепция содержат логические нестыковки и слабо вписываются в отрефлексированную социологами российскую действительность.

Прежде всего, это работы, указывающие на уровень напряжения и раскол в обществе, наиболее явно обозначившиеся в области экономического неравенства [Козырев, 2017: 70, 76; Левашов, 2018: 167]. Цифры показывали огромный разрыв с западными странами, которым официальная идеология – важнейший механизм «государственно-гражданской идентичности» – противопоставляла Россию как «социальное государство». Итог: 23% граждан считают устройство российского общества справедливым, несправедливым – 61% [Козырев, 2017: 71; 2018: 54]. Особенно важен факт *регионального* неравенства и его демографических последствий. Показательна ситуация в ДФО: Забайкальский край в рейтинге российских регионов по доходам населения в 2021 г. занимал 62-е место, Амурская область – 28-е, Приморский край – 25-е⁴. И если в 90-е гг. это было понятно, то нарастание разрыва с 4-кратного в 1990-х гг. до 15–20-кратного к 2017 г. [Козырев, 2017: 73] объяснить труднее. Итог: за 11 экономически благополучных для страны лет – с 2001 по 2011 г. – миграционная убыль населения в Забайкальском крае колебалась от 2,6 до 9,2 тыс. чел и в среднем составила 5,7 тыс. ежегодно⁵. Сходной была динамика

⁴ РИА Рейтинг. Россия сегодня. URL: <https://riarating.ru/infografika/20210706/630203876.html> (дата обращения: 25.10.24).

⁵ Забайкалкрайстат: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Забайкальскому краю. Население. URL: <https://75.rosstat.gov.ru/population> (дата обращения: 26.10.24).

в Хабаровском крае и Приморье⁶. Не вписываются в оценки идентичности установки на эмиграцию (среди молодежи 53,6% – в Чите, 60,4% – в Благовещенске, 62,6% – в Хабаровске, 63,8% – во Владивостоке [Симонян, 2023: 140]) и общие масштабы эмиграции⁷.

Важны показатели *социальное самочувствие* и *образ будущего*. Здесь фиксировались неуверенность в возможности улучшения жизни, рост разочарования, сокращение горизонта планирования [Волков, 2022: 20; Козырева, Смирнов, 2022: 38]. Заметим, насколько это идет вразрез с выводами оптимистов, которые сами по себе весьма противоречивы. С одной стороны, отмечалась высокая и растущая тревожность: в 2021 г. ситуацию в России оценивали как кризисную/катастрофическую 62%, в 2022 – 86%. С другой – с удовлетворением подчеркивался рост доли одобряющих путь, по которому идет страна (55% – в 2021 г., 71% – в 2022 г.) [Андреев и др., 2022]. Даже при учете различий в методиках получения данных конечные выводы настораживают.

Еще один показатель – уровень доверия. При удовлетворительном состоянии макроидентичности разрыв между доверием ближнему и дальнему кругу должен быть невелик. Социологи, хотя и отмечали с начала 2000-х гг. его сокращение в России, все же констатировали низкий уровень второго [Кученкова, 2016]. Межстрановое сравнение в 2013 г. показало в России «средний уровень» (55,4%), но существенное отставание его от стран «высокого уровня» – Японии (79,9%), США (78,8), Германии (75,8%), Тайваня (70,0%) [Сасаки, 2013: 65]. Международные исследования фиксировали снижение и без того низкого (последняя позиция среди 27 стран) индекса доверия в России: 2019 – 29%, 2020 – 30%, 2021 – 31%⁸. Особенно большая проблема – институциональное доверие; вразрез с оптимистическими выводами идет уровень уважения [Зарубина, 2014: 16].

Неоднозначны результаты исследований российской идентичности религиозных групп. С одной стороны, ее уровень среди православных и мусульман в целом одинаков – 91 и 92% соответственно. С другой стороны, по сравнению с православными, мусульмане более открыты к межэтническим взаимодействиям [Рыжова, 2020: 51, 54–55]. Показательны 73% православных, выступивших за поддержку государством в первую очередь культуры и религии большинства населения. Противоречиво отношение к этому социологов. Одни утверждали, что «интеграционной стратегии» требуется «отказ от доминирования», и беспокоились по поводу снижения числа считающих, что «все народы в стране должны быть равны», с 65% в 1995 г. до 45% в 2017 г. [Гражданская, этническая..., 2013: 26, 32], другие приветствовали признание «исторической роли русского народа в становлении России как ведущей мировой державы» [Левашов, 2018: 169].

Узел острейших противоречий обнаружился в отношении к власти, что непосредственно касается российской идентичности – «общности по государству» [Дробизева, 2017: 27; Тишков, 2013: 66, 105]. С одной стороны, большинство склонно поддерживать нынешнюю власть и не хотело бы менять ее на другую [Андреев, Андреев, 2021: 82]. С другой – 75% россиян считают, что власти нет никакого дела до простых людей, а одним из препятствий общенациональной самоидентификации называли отрицательное отношение большинства респондентов к власти [Левашов, 2018: 167; Головашина, 2015: 64]. И ассоциативный и классические методы выявляли негативные характеристики власти [Головашина, 2015: 67; Козырев, 2017: 71; 2018: 54], в число самых неуважаемых профессий вошли политики (36%), чиновники (28%), полицейские, судьи, работники прокуратуры (29/17/16%) [Зарубина, 2014: 17].

⁶ Приморскстат: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. Население. URL: <https://25.rosstat.gov.ru/folder/27118>; Хабаровскстат: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю. Население. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/25028> (дата обращения: 26.10.24).

⁷ В 2019 г. из России выбыло 416 131, в 2020 – 487 672 чел [Россия в цифрах, 2021: 45–46].

⁸ Edelman Trust Barometer 2021. Global Report. URL: <https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2021-01/2021-edelman-trust-barometer.pdf> (дата обращения: 01.10.24).

Важна тема патриотизма: его уровень указывает на степень эмоциональной привязанности субъекта к объекту идентичности. На первый взгляд, в его наличии сомневаться не приходится: патриотические чувства разделяют 80% россиян [Козырев, 2018: 56]. Но реальное отношение установить сложно, как и отличить номинальную идентичность от актуальной. Прежде всего – источник патриотического чувства. Социология фиксировала зависимость тренда от активности пропаганды, не от политических событий, четко говорила о манипуляции [Козырев, 2018: 57]. Обнаруживалась тенденция к слабому различению патриотизма и национализма, преобладанию бессодержательно-милитаристского «слепого» патриотизма [Головашина, 2015; Козырев, 2018; Межнациональное согласие, 2016; Санина, 2016; Сикевич, Федорова, 2021]. Большая часть респондентов чувствуют себя гражданами России только по формальному поводу [Сикевич, Федорова, 2021: 143]. Содержание патриотизма говорит об отсутствии гармонии локальной и общенациональной идентичностей: «россияне не идентифицируют себя с местным сообществом, не интересуются местными событиями» [Санина, 2016: 45–48].

Маркером и содержанием идентичности являются ценности. Главное, что указывает на ее реальность, – разделяет ли индивид ценности группы, являются ли они его *личными* ценностями. «Согласие» верно трактуется как солидаризация вокруг общих ценностей [Дробижева, 2017: 28]. Но и здесь есть противоречия эмпирического, методологического, теоретического уровней.

Например, большая часть опросов показывает, что «среди преобладающих ценностей находится семья» [Левашов, 2018: 168; Халий, 2017: 69], хотя в 2020–2021 гг. страна занимала третье место в мире по количеству разводов на тысячу человек⁹. По количеству неполных семей Россия также находится не в группе стран «традиционных ценностей»¹⁰, как должно быть при совпадении реальности с данными соцопросов. На фоне почти двукратного увеличения доли неполных семей (с 21% в 2002 г. до 38,5% в 2021 г.) [Селиванова, Коробкова, 2024: 149] социологи заявляют: «семья и дети в России остаются бесспорной и приоритетной целью в жизни» [Левашов, 2018: 168; Столицы и регионы, 2018].

Полагаем, что ценности как предельные обоснования человеческих поступков и регулятивы социального поведения не сводятся к представлениям людей «о хорошей, счастливой жизни» [Дробижева, 2017: 30] и их не обнаружить соцопросами – выявлением субъективной стороны феномена. Отсутствие анализа самой реальности порождает противоречивые оценки: «уровень поддержки цивилизационной самобытности России говорит о высоком консолидационном потенциале этого ценностного ориентира» [Кузнецов, 2021: 101]; «современное российское сообщество никак нельзя назвать базирующимся на традиционных ценностях» [Межнациональное согласие..., 2016: 173]; «отсутствует и стратегия развития, и ценностные ориентации, объясняющие эту стратегию» [Козырев, 2018: 54].

Это касается и религиозной идентичности. Социолог спрашивает, совпадает ли она с религиозностью [Рыжова, 2016: 119], что означает вопрос, насколько реальна идентичность и возможно ли ее достоверное изучение. Остается ли идентичность актом сознания, не имеющим никакого материального проявления, кроме маркера? Расхождение между заявленным респондентами и реальностью (уверены, что бог существует, 42% считающих себя православными, 8% из них читали Евангелие [там же: 120, 124]) – важнейшая проблема, в центре которой вопрос: что *именно* отвечает за принадлежность индивида к группе? Мы полагаем, что социолога в первую очередь должна интересовать не маркировка идентичности, а соответствие поведения нормам избранной группы. Однако ответ

⁹ Divorce Rates by Country 2024 / World Population Review. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/divorce-rates-by-country> (дата обращения: 20.04.24).

¹⁰ К странам с минимальным количеством детей, живущих с одним родителем (менее 3%), относятся Афганистан, Китай, Турция, Ирак. Страны с показателем от 3 до 6,8% – Индия, Пакистан, Иран, Казахстан, Египет. Максимальный показатель – более 15% – в США, Великобритании, Франции, Швеции, России (18%).

иной: «религиозной самоидентификации достаточно, чтобы считать человека обладающим той или иной формой религиозного сознания» [там же: 119].

Это заводит в тупик. Идентичность здесь ни на что не влияет, а религия не выполняет никаких социальных функций, помимо дифференцирующей. Значит, изучение идентичности становится бессмысленным – ведь социологи актуализируют свои работы установкой на то, что *дела* людей соответствуют их *словам*: «общероссийская идентичность содержит не только когнитивные, но и регулятивные компоненты» [Межнациональное согласие..., 2016: 8], а «ценности религиозной идентичности оказывают воздействие на поведение человека» [Рыжова, 2016: 120]. Где же связь между ценностями и поведением? Помог ли рост религиозной идентичности в борьбе с коррупцией так же, как ценности семьи и детей (при их наличии) должны были снизить количество разводов и увеличить рождаемость? Как и любой социальный феномен, идентичность имеет объективную и субъективную стороны. И метод должен иметь дело не только с первым (опросы), но и со вторым (статистика). Если нет связи между идентичностью и поведением, социология идентичности сужается до науки об общественном сознании так же, как она сужена до науки о консолидации.

Итак, в основе социологических исследований общероссийской идентичности лежит наделение ее функцией обеспечения единства страны. Однако именно это не соответствует действительности. Не сомневаясь в корректности данных о росте российской идентичности с 2000-х гг., оспорим их теоретическую интерпретацию. Если бы в первой половине 1980-х гг. и даже в начале перестройки в СССР было проведено подобное исследование, оно показало бы такие же и даже лучшие с точки зрения «сплоченности» результаты. Даже в 1989 г. – в разгар общественной критики советского государства – на вопрос, считаете ли вы себя в первую очередь гражданином СССР или гражданином республики, 56% опрошенных из всех республик и 63% русских в России выбрали СССР [Советский простой..., 1993: 22]. Но через несколько лет Советский Союз распался по границам национальных республик. На наш взгляд, данный тип идентичности не выполняет возложенную на него интегративную функцию в силу: 1) ее формирования «сверху вниз»; 2) статистического характера.

Проблема субординированной идентичности. Приоритет выживания целого объясним для многонациональной страны в стадии трансформации, но результатом стало вытеснение сложности простотой иерархии, растворяющей субъекта в различных должностованиях (личности и этносы должны консолидироваться, приграничные регионы должны защищать, нефтедобывающие – добывать). Полагаем, что спущенные сверху иерархии – не решение либо решение в рамках социологии, суженной до науки о консолидации общественного сознания и потому дающей противоречивые оценки реальности. Устойчивость сегодня зависит не от того, насколько люди «сплотились» вокруг чего бы то ни было, а от степени удовлетворенности личностей и групп в сложноорганизованном социуме. Не только эволюционная теория указывает на корреляцию выживаемости и сложности организации систем, а вся историческая динамика, демонстрирующая рост дифференцированности сообществ и одновременно их устойчивости по отношению к вызовам. Иерархия же означает упрощение и порождает одно из главных противоречий – между сложностью современного общества и способом формирования и структурой идентичности. Искомая «гармония» национальных отношений состоит в диалектическом взаимодействии: общее должно утверждаться *через частное*, не вытеснять его. Согласие с ближним кругом осуществляется при согласии с внешним кругом, оба обуславливают друг друга. Это *органичная* идентичность, идентичность «снизу»: «мы счастливы и успешны здесь, значит, счастлива и успешна вся страна».

Выстроить так национальное самосознание в иерархически организованном социуме невозможно, поскольку практика столкнется с противоречиями, которые разрешит только современная судебно-правовая система, когда каждое столкновение этнических/религиозных установок и правовых норм рассматривается *конкретно*. Примеры таких коллизий на Западе многочисленны – от «обезьяньего процесса» в Дейтоне до судебных

тяжб по поводу ЭКО, суррогатного материнства, абортов, эвтаназии и т.п. Эти и другие современные практики, противоречащие традиционным маркерам идентичности, рассматриваются в бесконечной череде процессов в условиях независимой судебной системы и свободных СМИ. Поскольку единого ответа на все вопросы не существует, этот путь и есть единственное решение проблемы в современном обществе.

Возникает более глубокая проблема, которую может решить только сложная, не вертикально структурированная система отношений. В многонациональной стране иерархическая модель идентичности, при которой государственное подчиняет себе этно- или религиозное, представляется очевидной: «на политический статус может претендовать лишь гражданская идентичность, этническая нуждается в отнесении к культурному, языковому» [Нысанбаев, 2014: 152]. Но сама по себе эта формула проблему не решает. Соотношение понятий «культура» и «общество» неслучайно сложнейшая теоретическая проблема гуманитарного знания, поскольку при наиболее широкой трактовке понятия «культура» они совпадают и становится ясно, что вытеснить этническое в «сферу культуры» невозможно – любое общество дано в форме той или иной культуры. При узкой трактовке (культура как духовная жизнь общества – религия, мораль, искусство) это сделать тоже затруднительно, так как ценности оформляются и транслируются в культуре. И стратегия государственно-гражданской идентичности при декларируемом «уважении» и намерении «сохранить» разнообразие в итоге будет вытеснять этническое не просто в культуру, и даже не в духовную, а в мемориальную. Что и происходило в СССР и происходит сейчас. Этническую культуру можно увидеть/услышать только в выступлении национального ансамбля и при осуществлении церемоний, форма которых должна подчеркнуть наличие этой культуры, уважение к ней, не более того. В актуальной культуре, в реальных практиках общество остается надэтническим; и то, что в доктрине «государственного нациестроительства» является важным лозунгом (сохранение разнообразия), через какое-то время превратится в ритуал («хлеб-соль» по приезду начальника, «выкуп невесты» на свадьбе). И к культурному разнообразию отношение будет таким же, как к этим ритуалам.

Но как только этнос или конфессия попытаются проявить себя вне мемориальной культуры, возникнут проблемы. Сохранение традиционного хозяйства оказывается чрезмерно дорогим (жители ЯМАО для России, североамериканские индейцы для США), распространение религиозных принципов на законы (шариат) приведет к конфликту. Можно сузить рассуждения до идентичности, не беря во внимание все культурные формы, но для традиционных народов эти формы остаются маркерами идентичности (в культурологии маркером идентичности является все – от одежды до рода занятий). И даже для вполне осовремененной, но сохранившей идентичность общности практические проблемы не исчезают. Поскольку культура остается исключительным хранилищем и транслятором ценностей, рано или поздно они столкнутся в противоречиях. Государству придется либо обеспечить диалог, либо применить насилие.

Структура важна и как фактор динамики. Хотя ученые не раз отмечали, что идентичность не бывает «достигнутой», что ее нельзя ни «утратить» ни «возродить» (Л. Малкки, С. Холл, В.А. Ядов, Е.Н. Данилова, А.Г. Санина), одержавшая верх доктрина поставила задачу ее «восстановления». Однако макроидентичность нестабильна, и это – норма современного общества. Заметно повышается она либо в условиях острых внешнеполитических кризисов, когда большинство видит угрозу своему существованию, либо в результате нагнетания патриотической истерии. Во втором случае объяснимы вышеуказанные противоречия. При этом подвижность – не препятствие, а условие устойчивости макросистемы. Современное общество, пусть в форме «вестфальского государства», мобильно. Подобно велосипедисту, оно стабильно благодаря динамике – работающим социальным лифтам и смене элит, развитию личности, изменению ее взгляда на мир, что имеет особое теоретическое значение. Социологи давно и уверенно говорят о двух исторических типах идентичности: устойчивой «традиционной» и гибкой «современной», что вписывается в классическую теорию модернизации и актуализирует понятия «общность»

и «общество» Ф. Тенниса, «органическая» и «механическая солидарность» Э. Дюркгейма. Отдавая дань уважения классикам, можно назвать реанимацию данного феномена в современном обществе «механической» идентичностью.

Проблемы этатистской идентичности. Вопрос качества формирующих идентичность институтов, и прежде всего государства, затрагивали многие ученые, чаще всего упоминая проблему гражданского общества (А.З. Адиев, Х.В. Дзугев, Л.М. Дробижева, Е.Г. Маклашова, Г.В. Осипов, О.В. Осипова). Но необходимость этого и других атрибутов современного общества – федерализма, демократии, свободы слова – в теорию идентичности интегрирована не была. А ведь если социология утверждает, что «государственное управление культурным многообразием возможно», а государство и единая политическая нация – «необходимая форма общественной коалиции» [Дробижева, 2021: 55], она не может не исследовать влияние на идентичность конкретного государства.

Заметим, в западной социологии проблема решается в иных политических условиях. Т. Парсонс вписывал этнический плюрализм в свой главный теоретический конструкт – дифференциацию и считал демократию необходимым условием этого плюрализма. Сходной позиции придерживается Ю. Хабермас. Российская идентичность строится вертикально, без этих оговорок, лишь при замечаниях социологов о важности демократии и гражданского общества. Однако поскольку политическая динамика обозначила иную траекторию, это требовало систематических исследований влияния реальных, а не желаемых государственных форм. За редким исключением этого не происходило, а главное – не было теоретического синтеза критических работ.

Например, критики отмечали, что государственной политике свойственно формирование классифицирующего и иерархического мышления, когда разные общности получают статусы (*малочисленные, титульные, государствообразующие*) и ими, а не реальностью, определяется их место в социальном и физическом пространстве [Осипова, Маклашова, 2015: 140]. Обобщение подобных фактов позволяет предположить, что институционализованные стереотипы если не блокируют полностью идущий от личности процесс самоидентификации, то как минимум его искажают. Главенство в нем властных структур затрудняет формирование богатой и дифференцированной территориальной идентичности, способной вывести из «малой родины» настоящие ценности, органично связать любовь к родной земле с достоинством личности. И наоборот: все пороки государства как института интегрируются в структуру идентичности, что имеет свои последствия.

Поэтому изучение «государственно-гражданской» идентичности требует анализа государства – ее ключевой структуры. Какими бы глубокими смыслами оно ни наполнялось в российской науке и культуре, это – институт, и как таковой он претерпевает все связанные с его закрытостью процессы: закупорку лифтов, отрицательный отбор, перепроизводство и деградацию элиты, снижение интеллектуального и морального уровня принятия решений и особенно разрушительно действующую на национальную идентичность персонификацию власти.

Именно с таким государством идентифицируют себя россияне как нация. Да, можно возразить: отношение к государству не является прямым отражением идентичности, люди могут отождествлять себя со своей отчизной независимо от оценки власти. Однако это не спасло от крушения Российскую империю, не вывело на улицы миллионы советских граждан в день подписания Беловежского соглашения. Почему?

Безусловно, надо учитывать двойное понимание термина «государство»: 1) как общность, противопоставленную иным общностям; 2) как институт власти. Первое порождает в россиянах весьма высокую степень патриотизма, они готовы идти на жертвы ради своей страны на международной арене, но это имеет значение лишь в присутствии реального или вымышленного Врага. Второе проблематично: государство как власть в сознании россиян чаще вредит им, чем помогает, здесь мало что изменилось с поздних советских времен: «надежда на государственную заботу в паре с лукавым недоверием по отношению к нему» [Советский простой..., 1993: 24]. Эти «два государства» в сознании россиян

дифференцированы, но скорее эмоционально, чем рационально. Даже при негативном отношении к государству как власти в минуту внешней опасности они склонны не бросать на произвол судьбы государство как Родину. Именно потому так хорошо работает образ Врага для мобилизации населения, и неоднократно терявшее легитимность «второе государство» этим пользовалось. Но не бесконечно. Когда на смену патриотическому порыву приходит разочарование, обычно после поражения в войне, происходит обрушение.

Поэтому об устойчивости в долговременной перспективе говорить сложно. «Государственно-гражданская идентичность» не обеспечила ее раньше, не обеспечит и теперь, в современном мире, где устойчивость дает лишь гибкая структура отношений. И страдает она именно в силу интеграции в государство – институт, который неоднократно компрометировал себя и распадался, вызывая тяжелый социокультурный кризис. Политический процесс, идущий иногда мирным, иногда силовым путем, не обязательно должен нести с собой катаклизмы масштабов 1917 и 1991 гг. Но в России так происходило в силу жесткой привязки идентичности к конкретным режимам, к деградировавшим институтам, к отставшим от времени идеологиям.

Поэтому озвученному в ведущей концепции «поразительному прорыву к общероссийскому самосознанию» [Тишков, 2021: 10] противоречат факты – скрытая напряженность, принудительные практики, идеологический прессинг, масштабы эмиграции. Закономерно, что в этой концепции два главных вопроса – качества российского государства как института и характер его исторической динамики – ставятся так, что в них не оказывается проблем. С одной стороны, оспаривается тезис, что демократия и нация – «неразрывная субстанция» [там же: 32], с другой – утверждается, что, несмотря на неоднократные катаклизмы, «историческое Российское государство никуда не исчезало» [Тишков, 2013].

К первому вопросу: независимо от политических убеждений положительный эффект контролируемости власти игнорировать не стоит. Это единственный механизм нейтрализации закона деградации элиты, без которого общество обречено на циклически повторяющееся крушение режимов. С идентичностью это связано напрямую: неоднократно выявляемое социологами негативное отношение россиян к государству порождается снижением его качества как института.

Второму также необходимо возразить. Игнорируя момент катастрофичности истории, пусть даже исторического российского государства (Российская империя – СССР – Российская Федерация), есть риск пройти мимо существенных аспектов его устройства. Два крушения менее чем за столетие не могут не навести на мысль, что здесь находится важный узел противоречий. Успокоительная идея «исторического государства» опасна тем, что снижает остроту критического анализа социальной действительности и становится фактором несаморефлексируемости системы. Да, ученый не скрывает катастрофичности этих событий, но его концепция «с сожалением» проходит мимо этого факта, нивелируя его формулой «Россия была, есть и будет». Но и здесь все непросто в контексте динамики макросистем. В мировой истории обнаруживается больше исчезнувших обществ, чем ныне существующих, их крушение – рутина исторического процесса, на фоне которой указанное утверждение выглядит слишком самоуверенно.

Наконец, отсутствует корреляция активности государства и степени выраженности национальной идентичности. Сами российские ученые, используя западные страны в качестве положительных образцов ее оценки [Гражданская, этническая..., 2013: 41], де-факто признают более высокую сплоченность либеральных обществ. Направления миграции и потребление культурных образцов также показывают, что национальная идентичность не сильнее там, где государство занимается ею активно.

Идентичность как объект социологии и политики. Постановка на первое место единства и выстраивание этого единства «сверху вниз» означали расхождение с западной традицией исследования идентичности, в центре которой всегда находилась личность.

Прежде всего, эгоцентричен психологический дискурс идентичности. Но даже когда социологи, культурологи, политологи стали переносить это понятие в свои области, упор

оставался на индивидуальном. Эгоцентрическое общество порождало соответствующую направленность рефлексии: прежде всего в усложняющемся мире западная наука решала проблемы личности. Несмотря на дискуссию о степени зависимости индивида от группы в процессе самоидентификации (А. Тэджфел, Дж. Тёрнер, Я. Стетс, П. Бёрк), главным предметом социологии идентичности был субъективный опыт, становление социального «Я», происходящее во взаимодействии с другими людьми (Т. Парсонс, П. Бергер, Т. Лукман, Н. Луман).

Отечественная социология не обязана была следовать этому и не следовала. Ее этатистский конструктивизм отразил текущие социальные процессы и исполнил понятный после крушения СССР запрос на «коллективизм» и «восстановление вертикалей». Динамика исследований повторила динамику социума – от попытки построения индивидуалистического общества к «восстановлению целого» в том единственном виде, в каком общество его знало. И хотя совсем мимо личности российские социологи идентичности не прошли (труды Г.М. Андреевой, И.С. Кона, Т.Г. Стефаненко, В.А. Ядова), главным это направление не стало.

В то же время западный опыт дал понимание того, что личность своей идентичностью должна быть удовлетворена. Идентичность предполагает самостоятельный, исходящий от субъекта волевой акт: считать или не считать себя частью группы – прерогатива личности. Если ее автономия в процессе самоидентификации снижается, а между желаемым и действительным возникает разрыв, растут депривация, фрустрация, диффузная агрессия. Поэтому в современном мире данный тип идентичности не просто неустойчив, он несет разрушительный заряд – непредсказуемый характер, «взрывной», но не в смысле готовности к силовому демонтажу системы (этого в российском обществе пока нет), а ее массового неподдержания в случае кризиса. Вспомним реакцию на «мятеж Пригожина» и сразу ответим на возможные обвинения в политизации проблемы: она уже политизирована привязкой национальной идентичности к государству и конкретному режиму. Это объясняет и стремительный характер обрушения СССР: «легкость смены подобных автохарактеристик говорит о том, что они затрагивали поверхностные слои самоидентификации. Поэтому распад произошел быстро и почти незаметно: еще до официального оформления большинство опрошенных зафиксировало конец Союза» [Гудков, 2004: 142].

На том основании, что идентичность существует «идеально», ее относят к неочевидным и трудно верифицируемым объектам. Однако факт ее пребывания в сознании мало что меняет, поскольку она проявляется в действиях и именно потому интересует социологию: без социального действия социального факта не существует. Это же доказывает необходимость корреляции с другими проблемными областями: идентичность не оторвана сознанием от общества, она формируется в реальных отношениях и сама является таковым. Как объект социологии это – социальное отношение, но отрефлексированное сознанием и обозначенное маркером. Две стороны – субъективная и объективная – делают его обычным социальным феноменом, отличающимся лишь большей выраженностью пребывания в идеальном.

Это требует учета двух сторон методологически. Для первой необходим отказ от априорного растворения субъектов в должностованиях и одномерной шкалы, на которой чем они ближе к макрогруппе (стране, Родине), тем лучше. Лишать их субъектности означает отказаться от самой социологии, изучающей реальность, образованную *актерами*. Для второй требуется анализ социальной реальности: психика, сознание и поведение людей структурированы интериоризованными социальными структурами [Коллинз, 2002], только изменение базовых социальных структур способно существенно изменить установки [Розов, 2011: 365]. Идентификация – это не только мыслительный акт, это отрефлексированное взаимодействие, идеальная сторона отношения между индивидом и группой. Оно может варьироваться по степени выраженности в сознании индивида от полного неприятия группы до максимальной интеграции в нее, но по мере приближения к современности это отношение усложняется. Устойчивая идентичность здесь может формироваться

только ненасильственно, попытка же подменить волевой акт обязанностью, манипулировать им идеологически приводит, хотя и не сразу, к негативным последствиям. Российская идентичность, связанная с функционированием ключевых институтов – образования, армии и других структур, носит если не принудительный, то вынужденный характер. Но чем больше институционального давления она включает, тем выше конфликт и сильнее взрыв при обрушении системного института. Распад Российской империи и СССР неслучайно сопровождался массовым отказом от ключевых структур их идентичностей. Православие обернулось взрывным неприятием религии (воинствующий атеизм не встретил достаточного сопротивления общества). То же можно сказать о коммунистической идеологии.

Без свободного выбора общенациональная идентичность не несет характера внутреннего убеждения. Она колеблется в районе вынужденной/предъявляемой, формируется как рационализация латентного конфликта между «Я» и страной. Рождается она решающей ролью вертикалей, блокирующей договор между личностью и макрогруппой, и является «навязанной идентичностью», за которую субъект осознанной ответственности не несет. Она не может сделать то, чего ждет от нее социологический мейнстрим, – обеспечить целостность страны. Напротив, она становится фактором повторения сценария двух социальных катастроф XX века.

Заключение. Выявленные концептуальные основы, тенденции и противоречия указывают на проблематичность избранного курса формирования и исследования общероссийской идентичности. Глубина и масштабы этих противоречий показывают, что они являются методологическими лишь отчасти (в части упора на соцпросы), а в целом носят фундаментальный характер и связаны с противоречивой динамикой и структурой самого социума. Они ставят под сомнение главный тезис об устойчивости данного типа идентичности, а значит, социальной устойчивости страны. Наличие российской «государственно-гражданской» идентичности не вызывает сомнений, но она не выполняет функцию, приписываемую ей социологами, – не консолидирует общество либо делает это преимущественно номинально.

В парадигме изучения и формирования идентичности не произошло поворота от вертикалей к горизонталям. Институт диктует субъекту, страхась распада страны, этот страх понятен, но это не значит, что избранная стратегия верна. Не рассматривая личность в качестве активного начала процедуры идентичности, российское общественное сознание, включая науку, восстанавливает систему, не раз показавшую нежизнеспособность в мире, где сложность идентичности соответствует сложности общественных отношений. Вертикально-властная стратегия порождает механический тип идентичности, который может обеспечить целостность системы лишь в ближнесрочной перспективе.

Другой проблемой является ее содержательная привязка к государству, которому в условиях закрытости свойственны процессы деградации. Интеграция властного в этническое/культурное/личное уже не раз приводила не просто к политическому кризису, а к катастрофе цивилизационного масштаба. «Мина замедленного действия», о которой пишут ученые, имея в виду многонациональный состав страны, на деле создается вертикалями государственной идентичности, хотя и носит исторически отложенный характер.

Воспроизводство анализируемого типа идентичности связано с неспособностью или принципиальным отказом от создания системы договорных отношений как доминирующих. В этих условиях национальная идентификация блокирует сложный органичный тип, примиряющий ценности «родина», «страна» с личностью без подавления одного другим. Но это не означает, что по этому пути не надо идти, и первым шагом со стороны науки будет рассмотрение феномена не только под углом зрения потребностей вертикалей. Сегодня российская социология не в состоянии повлиять на происходящее, но исследовать проблему глубже и дальше, чем это определено ситуацией, она может.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев А.Л., Андреев И.А. Россия-2021: Переживание настоящего и взгляд в будущее // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 82–92. DOI: 10.31857/S013216250015258-6.
- Андреев А.Л., Андреев И.А., Слободенюк Е.Д. Представления россиян о будущем России // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 49–61. DOI: 10.31857/S013216250020368-7.
- Андреев А.Л. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. М., 2013. Рец. Андреев А.Л. // Социологические исследования. 2014. № 6. С. 146–150.
- Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М. Пройденные пути и некоторые проблемы современной российской этносоциологии // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 102–112.
- Белоножко М.Л., Силин А.Н., Барбаков О.М., Гюрджинян А.С. Социальные проблемы в самооценках населения Арктической зоны России // Социологические исследования. 2018. № 4. С. 112–117. DOI: 10.7868/S0132162518040128.
- Волков Ю.Г. Социокультурные травмы современного российского общества // Социологические исследования. 2022. № 3. С. 13–23. DOI: 10.31857/S013216250017543-0.
- Головашина О.В. Ассоциативный эксперимент для измерения гражданской идентичности // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 64–71.
- Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. / Ред. Л.М. Дробижева. М.: РОССПЭН, 2013.
- Гудков Л.Д. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: НЛО, ВЦИОМ-А, 2004.
- Дробижева Л.М. Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 26–36.
- Дробижева Л.М. Опыт 1990-х гг. и управление культурным многообразием // Социологические исследования. № 8. 2021. С. 49–61. DOI: 10.31857/S013216250015254-2.
- Дробижева Л.М. Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 80–90.
- Дробижева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50.
- Дронов В.Т. Согласие как цивилизационный архетип российского общества // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 157–160.
- Зарубина Н.Н. Взаимное уважение в повседневной жизни россиян // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 10–18.
- Козырева П.М., Смирнов А.И. Эволюция социального самочувствия россиян в постсоветский период: от коллапсирования к контрастной стабильности // Социологические исследования. 2022. № 12. С. 29–41. DOI: 10.31857/S013216250021523-8.
- Козырев Г.И. Образ внешнего врага как фактор легитимации политического режима в современной России // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 52–58. DOI 10.7868/S0132162518010063.
- Козырев Г.И. Конфликтный потенциал современного российского общества // Социологические исследования. 2017. № 6. С. 68–78.
- Коллинз Р. Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
- Кузнецов И.М. Основания ценностной консолидации россиян: традиционализм и обновление // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 93–102. DOI: 10.31857/S013216250014161-0.
- Кученкова А.В. Межличностное доверие в российском обществе // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 26–36.
- Левашов В.К. От Москвы до самых до окраин: резервы консолидации // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 166–170. DOI 10.31857/S013216250002799-1.
- Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: ИС РАН, 2016.
- Нысанбаев А.Н., Шайкемелев М.С. Казахская идентичность. Алматы, 2013. Рец. А.Н. Нысанбаев // Социологические исследования. 2014. № 11. С. 151–153.
- Осипова О.В., Маклашова Е.Г. Идентичности молодежи Арктики // Социологические исследования. № 2015. № 5. С. 139–144.
- Попков Ю.В. Национальная политика в России: целевые установки и региональные модели // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 39–44.
- Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2011.
- Россия в цифрах: Краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2021.

- Рыбаковский Л.Л. Депопуляция и ее этнические аспекты в России // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 18–28.
- Рыжова С.В. Российская идентичность на православно-исламском пограничье // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 51–61. DOI: 10.31857/S013216250010566-5.
- Рыжова С.В. Особенности изучения религиозной идентичности россиян // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 118–127.
- Санина А.Г. Патриотизм и патриотическое воспитание в современной России // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 44–53.
- Сааки М., Давыденко В.А., Ромашкина Г.Ф., Воронов В.В. Сравнительный анализ доверия в различных странах // Социологические исследования. 2013. № 3. С. 60–73.
- Селиванова О.В., Коробкова Н.Ю. Неполные семьи в регионах России: масштабы и социально-экономические характеристики // Социально-трудовые исследования. 2024. № 1. С. 147–156. DOI: 10.34022/2658-3712-2024-54-1-147-156.
- Сикевич З.В., Федорова А.А. Границы русского патриотизма (опыт нереактивного и классического исследования) // Социологические исследования. 2021. № 6. С. 134–146. DOI: 10.31857/S013216250014126-1.
- Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х / Отв. ред. Ю.А. Левада. М., 1993.
- Симонян Р.Х. О региональном сознании студентов российско-китайского приграничья // Социологические исследования. 2023. № 6. С. 136–143. DOI: 10.31857/S013216250026398-0.
- Симонян Р.Х. Приграничное регионоведение в контексте теории мезосистем // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 64–73. DOI: 10.31857/S013216250005482-3.
- Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Весь Мир, 2018.
- Тишков В.А. Национальная идея России. М.: АСТ, 2021.
- Тишков В.А. О нации и национализме // Свободная мысль. 1996. № 3. С. 30–42.
- Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.
- Халий И.А. Патриотизм в России: опыт типологизации // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 67–74.

Статья поступила: 31.07.24. Финальная версия: 23.11.24. Принята к публикации: 26.12.24.

RUSSIAN IDENTITY AS A PROBLEM OF HISTORICAL DYNAMICS

TRUBITSYN D.V.,

Transbaikalian State University, Russia

Dmitry V. TRUBITSYN, Dr. Sci. (Social Philosophy), Professor, Transbaikalian State University, Chita, Russia (dvtrubitsyn@yandex.ru).

Abstract. The paper is based on the analysis of works focusing on Russian identity and reveals conceptual framework and tendencies in the dynamics of research: the predomination of holistic approach to the scientific analysis, as well as its vertical (top-down) development strategy. Only a small number of works is devoted to personality problems connected with self-identification. Some contradictions have been found between statements about positive dynamics of all-Russian identity and the data on the growth of anxiety and mistrust, or misalignment of mass behaviour with claimed values). The research, conducted in terms of social stability of a macrosystem, enabled to draw some conclusions about prospects of this type of identity for preserving the integrity of the country. "Consolidation" can only be achieved in the short term in such a way. In the long term, this strategy may reproduce an unstable type of identity that only assumes formal recognition of the state as "one's own". Suppression of the subjective principle in identity choice makes this strategy prospectless: it may form an explosive "counter-identity" that threatens to cancel itself. A particular problem is that national identity is substantively connected with the state so there appears the danger of disintegration in case of a deep crisis. Theoretically, identity is interpreted as a social relation, and its study demands not only the use of social surveys, but also the analysis of the social structures dynamics.

Keywords: identity, self-identification, solidarity, consolidation, social sustainability.

REFERENCES

- Andreev A.L. (2014) Civic, Ethnic and Regional Identity: Yesterday, Today, Tomorrow. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 16: 146–150. (In Russ.)
- Andreev A.L., Andreev I.A. (2021) Russia-2021: Experiencing the Present and Looking into the Future. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 82–92. DOI: 10.31857/S013216250015258-6. (In Russ.)
- Andreev A.L., Andreev I.A., Slobodenyk E.D. (2022) Russians' Ideas about the Future of Russia. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 49–61. DOI: 10.31857/S013216250020368-7. (In Russ.)
- Arutiunian Yu.V., Drobizheva L.M. (2014) Traversed Path and Issues of Contemporary Russian Ethnology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 102–112. (In Russ.)
- Belonozhko M.L., Silin A.N., Barbakov O.M., Gyurdzhinyan A.S. (2018) Social Issues in Russia's Arctic Zone: Population Self-Assessment. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 112–117. DOI: 10.7868/S0132162518040128. (In Russ.)
- Collins R. (2002) The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change. Novosibirsk: Sibirskiy Khronograf. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2015) The potential of Interethnic Consent. Comprehension of the Concept and Social Practice in Moscow. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 80–90. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2017) All-Russian Identity and Interethnic Accord as a Reflection of the Consolidation Processes in Russian Society. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 26–36. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2020) Russian Identity: Searching for Definition and Distribution Dynamics. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 37–50. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2021) 1990s' Experience and Cultural Diversity Management. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 49–61. DOI: 10.31857/S013216250015254-2. (In Russ.)
- Drobizheva L.M., ed. (2013) *Civic, Ethnic and Regional Identity: Yesterday, Today, Tomorrow*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Drobizheva L.M., ed. (2016) *Interethnic Harmony as a Resource for the Consolidation of Russian Society*. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Dronov V.T. (2016) Agreement as Civilizational Archetype of Russian Society (The Paper is Published Posthumously). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 157–160. (In Russ.)
- Golovashina O. (2015) Civil Identity of a Russian: Associative Experiment Using Visual Intermediaries. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 64–71. (In Russ.)
- Gorshkov M.K. (ed.) *The Capitals and Regions of Modern Russia: Myths and Facts Fifteen Years Later*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Gudkov L.B. (2004) Negative Identity: Articles 1997–2002. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Khaliy I.A. (2017) Patriotism in Russia: Typology. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 67–74. (In Russ.)
- Kozyrev G.I. (2017) The Conflict Potential of Contemporary Russian Society. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 68–78. (In Russ.)
- Kozyrev G.I. (2018) Image of Enemy as Factor of Political Regime Legitimation. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 52–58. DOI: 10.7868/S0132162518010063. (In Russ.)
- Kozyreva P.M., Smirnov A.I. (2022) Social Wellbeing during the Post-Soviet Era: from Collapse to Contrasting Stability (1994–2021). *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 29–41. DOI: 10.31857/S013216250021523-8. (In Russ.)
- Kuchenkova A.V. (2016) Interpersonal Trust in Russian Society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 26–36. (In Russ.)
- Kuznetsov I.M. (2021) Foundations of Russians' Value Consolidation: Traditionalism And Renewal. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 93–102. DOI: 10.31857/S013216250014161-0. (In Russ.)
- Levada Y.A. (ed.) (1993) *Ordinary Soviet Man: An Experience of Social Profiling at the Turn of 1990s*. Moscow: Mirovoj Okean. (In Russ.)
- Levashov V.K. (2018) From Moscow to the Periphery: Reserves of Consolidation. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 166–170. DOI: 10.31857/S013216250002799-1. (In Russ.)
- Nysanbayev A.N. (2014) Shaikemelev M.S. Kazakh Identity. Almaty, 2013. Reviewed by A.N. Nysynbayev. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 151–153. (In Russ.)
- Osipova O.V., Maklashova E.G. (2015) Identities of the Youth of the Arctic. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 139–144. (In Russ.)
- Popkov Yu. (2015) National Politics in Russia: Targets and Regional Models. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 39–44. (In Russ.)

- Rozov N.S. (2011) *Track and Pass: Macrosociological Foundations of Russia's Strategies in the XXIth Century*. Moscow: ROSSPAN. (In Russ.)
- Russia in Figures. Brief Statistical Digest* (2021). Moscow: Rosstat. (In Russ.)
- Rybakovskiy L.L. (2015) Depopulation and its Ethical Aspects in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 18–28. (In Russ.)
- Ryzhova S.V. (2016) Features of Studyig Religious Identity of Russians. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 118–127. (In Russ.)
- Ryzhova S.V. (2020) All-Russian National Identity on the Orthodox-Islamic Frontier. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 51–61. DOI: 10.31857/S013216250010566-5. (In Russ.)
- Sanina A.G. (2016) Patriotism of Russians and Patriotic Education in Modern Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 44–53. (In Russ.)
- Sasaki M. Et al. (2013) A Comparative Analysis of Trust in Different Countries. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 60–73. (In Russ.)
- Selivanova O.V., Korobkova N.V. (2024) Single-parent Families in Russian Regions: Scale and Socio-economic Characteristics. *Social'no-trudovy'e issledovaniya* [Social & Labor Research]. No. 1: 147–156. DOI: 10.34022/2658-3712-2024-54-1-147-156. (In Russ.)
- Sikevich Z.V., Fedorova A.A. (2021) Boundaries of Russian Patriotism (Case of Non-Reactive Classic Research). *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 134–146. DOI: 10.31857/S013216250014126-1. (In Russ.)
- Simonyan R.H. (2019) Cross-Border Regional Studies in the Context of Meso-Systems Theory. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 64–73. (In Russ.)
- Simonyan R.H. (2023) On the Regional Consciousness of the Russian-Chinese Border Region Students. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 136–143. DOI: 10.31857/S013216250026398-0. (In Russ.)
- Tishkov V. (2013) *Russian People: History and Meaning of National Identity*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Tishkov V. (2021) National Idea of Russia. Moscow: AST. (In Russ.)
- Tishkov V.A. (1996) On Nation and Nationalism. *Svobodnaya Mysl'* [Free Thought]. No 3: 30–42. (In Russ.)
- Volkov Yu.G. (2022) Social and Cultural Traumas of the Contemporary Russian Society. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 13–23. DOI: 10.31857/S013216250017543-0. (In Russ.)
- Zarubina N.N. (2014) Mutual Respect in Everyday Life of Russians. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 10–18. (In Russ.)

Received: 31.07.24. Final version: 23.11.24. Accepted: 26.12.24.